

Содержание

Часть I

Теория смерти

Глава 1	
Культура смерти.....	7
Глава 2	
Психология смерти.....	78

Часть II

Принятие смерти. Практика

Глава 1	
Как жить с пониманием своей смертности	147
Глава 2	
Как подготовиться к смерти.....	186
Заклучение	226
Благодарности.....	227
Примечания.....	228

Часть I

Теория смерти

ГЛАВА I

Культура смерти

Мария Рамзаева

Вступление

Первое, что бы вы увидели, зайдя в мой дом детства, — алтарь, посвященный родителям. Белая скатерть, лампада у фотографии, с которой смотрят мрачные молодые люди, свежие цветы, иконы.

Когда мне было 11, мы попали в автокатастрофу, и родители погибли. Опекуны — бабушка с дедушкой — так и не смогли смириться со смертью дочери, и каждый день год за годом мы заново переживали смерть.

В памяти сохранилось больше воспоминаний о мертвых родителях, чем о живых.

Каждый день я проходила мимо их траурной фотографии — единственной, где они выглядели мрачно, совсем не такими, как в жизни.

Каждую неделю по просьбе бабушки покупала цветы, чтобы поставить у алтаря.

Каждый сезон ездила на кладбище, чтобы ухаживать вместе с тетей за могилами родителей.

Каждый год пышными поминками отмечала дни их смерти — они умерли с разницей в три дня, — и на каждый из этих дней устраивалось масштабное застолье, приходили десятки родственников и друзей.

Все во мне, подростке, бунтовало против царства смерти; я хотела жить, но не знала, что можно по-другому, и чувствовала вину. Будто, если я перестану каждую секунду думать о смерти родителей, моя любовь к ним исчезнет.

Меня научили, что есть единственный правильный и естественный способ переживать смерть близких — полностью отдаться ей, отрешиться от жизни, по сути умереть вместе с ними, как делали в некоторых языческих традициях. Но это иллюзия.

Нам часто кажется, что существует единственно правильный способ прожить жизнь — и организовать смерть. Однако само понятие правильной жизни (и правильной смерти) менялось на протяжении времени и в разных уголках света до сих пор остается различным.

В исламе сожжение тела считается большим грехом, а в Индии самые почетные похороны — кремация и развеивание праха над Гангом. Оставить тело на растерзание птицам — ужасное проклятие для христианина, в Тибете же тысячи лет практикуют «небесные похороны», при которых специальный человек — рогьяпа — разрубает тело на куски и скормливает его грифам¹.

И, вероятно, как нас сейчас ужаснули бы наваленные друг на друга тела в могилах простолюдинов в Средневековье, наших потомков будут возмущать или удивлять наши ритуалы.

Когда мы с Еленой Фоер задумывали эту книгу, я решила, что разделю первую главу на три части: прошлое, настоящее, будущее. В реальности все «типы смертей», о которых пойдет речь, присутствуют в современной культуре.

У разных культур существуют свои особенности, и мое разделение будет, конечно, условным. Перемены не происходят мгновенно, а в каждом «типе смерти» есть что-то от других. И хотя я постаралась рассказать о различных удивительных культурах, речь в основном пойдет о Европе и особенно о России.

Наверняка какие-то подходы и ритуалы покажутся вам дикими, какие-то — близкими и понятными. Когда мне было 11, я не знала, что горевать можно по-разному, мои опекуны научили меня лишь одному «типу смерти». Я расскажу о трех, и, возможно, вы найдете традицию, которая окажется близкой вам.

Традиционная смерть

Мне было семь, когда я впервые увидела мертвого человека. Дряхлая, будто иссушенная женщина лежала в открытом гробу в повозке, а я сидела рядом. Лошадь шла медленно, путь до кладбища был долгий, и я, словно загипнотизированная, смотрела в мертвое лицо и чувствовала... смущение. Из всех сил семилетняя я пыталась найти внутри себя грусть, но ее не было: впервые я увидела эту женщину, уже когда она была мертва. Я даже не знала ее имени! Но это было неважно.

На похороны собралась вся деревня, а поскольку я гостила у живших там родственников, то взяли и меня. Никому не пришло в голову, что похороны незнакомой женщины не лучшее место для ребенка, никого не смущало, что я сидела вплотную к мертвецу. Смерть для них была естественным продолжением жизни, которое не прятали от детей. Ни когда убивали кролика для супа, ни когда шли хоронить соседку-старушку.

Традиционный подход к смерти возник в культуре в архаические времена и оставался доминирующим в Средневековье². Традиционная смерть — смерть близкая, естественная для всех и потому нестрашная. Растения, птицы, животные — все в свое время умрут; умрем и мы, это нормально, и нет никакого смысла слишком много об этом думать. Таков был подход к смерти, таким он и остается, особенно в деревнях. «Не пыжились они, не отбивались, не хвастали, что не умрут, — вспоминает герой Солженицына в «Раковом корпусе», — все они принимали смерть спокойно. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегченно, будто просто перебирались в другую избу. И никого из них нельзя было бы напугать раком»³.

В традиционном подходе люди умирали спокойно и, второй важный момент, публично. Смерть не являлась личным делом конкретной семьи, в ней участвовали все родственники, вся община. Когда человек понимал, что умирает, он начинал готовиться, спокойно и прямо обсуждал свою близкую смерть, отдавал распоряжения и указания, прощался с родными, друзьями, соседями.

Немыслима была ситуация, частая в современном обществе, когда мы даже не узнаём о смерти троюродной тетушки или четвероюродного брата. В традиционных обществах у постели умирающего собирались все. Историк Филипп Арьес приводит пример из жизни Франции XIX в., когда прохожая, услышав, что причащают умирающего священника, посчитала совершенно естественным и почти необходимым зайти к нему, пусть они и незнакомы⁴. Так и для моих родственников было правильным (и даже не вызывающим вопросов) взять меня на похороны незнакомой старушки.

В традиционном подходе не закрываются от смерти, не пытаются сделать вид, будто никогда не умрут, но при этом и не думают о ней слишком долго, как не думают люди о воздухе, который всегда вокруг.

«Хорошая» и «плохая» смерть

В Средневековье смерть могла наступить в любой момент: нестрашные сейчас болезни были способны за считанные дни унести еще недавно здорового человека. Такая смерть была обыденной и не становилась трагедией, к ней относились спокойно: на все воля Божья, значит, судьба у человека такая. И эта концепция судьбы или, у восточных славян, доли имела большое значение для определения «хорошей» и «плохой» смерти. Понятие судьбы-доли как будто бы не совсем христианское: а как же свобода выбора, которая дарована Богом человеку? Но в этом была важная особенность традиционного подхода. Зародившийся еще до повсеместного распространения христианства, он впитал множество языческих верований и суеверий, сплетя их с новой религией.

Древнеславянское понятие доли — предопределенного набора обстоятельств и событий, уготованных человеку, — осталось и с приходом православия. Считалось, что долей, в которую входили также здоровье и срок жизни, люди наделялись при рождении. И именно она определяла, насколько человек будет счастлив и богат, какие дела у него пойдут, а за какие не стоит браться и, конечно, как именно и когда он умрет⁵.

«Хорошая» смерть

«Хорошей» считалась смерть, когда человек до конца прожил свою судьбу-долю. В лучшем случае это была естественная смерть в старости, в окружении детей и внуков. Часто ее можно было предвидеть: непосредственно перед ней бывали предчувствия и видения — во сне или наяву. Согласно традиционным представлениям, мертвые всегда находились рядом, за невидимой завесой, а для того, кто оказывался на краю смерти, эта завеса приоткрывалась. Явление мертвых не вызывало страха, оно служило сигналом, что пришел твой срок и пора завершать земные дела⁶.

До сих пор в российских селах и деревнях популярны былички о людях, чаще стариках и старухах, предвидевших свою смерть. Они начинают собираться, раздают указания насчет имущества, готовят одежду, памятные и полезные предметы (например, сигареты, спички), деньги — все, что хотят, чтобы положили к ним в гроб. Закончив приготовления, старики умирают со спокойной душой⁷.

Близкий к смерти человек может начать видеть потусторонний мир, который как бы просвечивает через обыденный. Так, в одной из быличек старик начинает видеть несуществующие объекты и мертвых друзей, зовущих его на лесозаготовки. Он соглашается, но они его останавливают — еще не время. Проходит несколько дней, и наконец эти друзья разрешают ему отправиться с ними на лесозаготовки, и старик умирает⁸.

Два мотива из этой былички часто повторяются и в других. На тот свет, как правило, зовут близкие люди — умершие родственники, родители, мужья и жены или друзья, коллеги. Причем их приглашения всегда завуалированы: пойти на заработки, сменить работу, переехать жить в дом умершего родственника. Если человек соглашается, то вскоре

умирает. Однако если откажется, то может отменить или хотя бы отсрочить приговор⁹.

Иногда завеса приоткрывается для родственников. Так, в одной из быличек жена видит сон, в котором муж ужинает со старухой-смертью, и вскоре муж погибает¹⁰.

Подобные же мотивы были распространены и в Европе, причем тоже выходили далеко за период Средневековья. Арьес приводит историю госпожи де Рерт, жившей в начале XVIII в. Несмотря на хорошее здоровье, она сама подготовила свои похороны, приказала убрать дом черным, заказала мессы за упокой, решила все свои дела и умерла ровно в то время, в которое ожидала пришествия смерти¹¹.

Такая смерть, к которой можно было подготовиться, считалась «хорошей», и покойников, умерших «хорошей» смертью, не боялись. Наоборот, они пополняли ряды потусторонних защитников, у которых просили заступничества и помощи¹².

Совсем иначе дело обстояло с «плохими» покойниками, попасть в список которых было не так уж и сложно.

«Плохая» смерть

По понятным причинам в Средневековье дожить до преклонных лет считалось завидной участью. Однако, если человек слишком уж долго не умирал, это начинало казаться подозрительным и считалось нехорошим признаком. Человек как бы переживал свою судьбу-долю, жил дольше положенного срока, что было неестественно. Так, по народным поверьям восточных славян, те, кто чудесным образом выздоравливал или доживал до глубокой старости, делали это не благодаря крепкому здоровью, а потому, что забирали жизнь у других. Такие старожилы были опасны для окружающих,

их сторонились и часто подозревали в сделках с чертом и в колдовстве¹³.

Много хуже, чем пережить свою судьбу, было свою судьбу не прожить. Сейчас часто мечтают умереть внезапно, даже не заметив этого, в Средневековье же смерть раньше срока, тем более неожиданная, была низкой и навлекала проклятие — делала покойника «плохим». Неважно, был ли человек «виновен» в смерти (совершил самоубийство, был казнен за преступления) или умер от несчастного случая, — проклятие падало на всех, включая младенцев¹⁴.

Европейское духовенство пыталось бороться с таким пришедшим еще из язычества отношением. Так, в XIII в. епископ Мендский Гийом Дюран писал, что скоропостижная смерть — это смерть по воле Бога, она не должна считаться проклятием, и умерших нужно хоронить по христианским обычаям. Однако он все равно разделяет «позорную» внезапную смерть и «непозорную». Если покойный был застигнут смертью во время игры в мяч или шары, похороны на кладбище еще допускались, а вот для умерших от порчи, во время секса или кражи — уже нет. А в том же XIII в. в Венгрии умерших насильственной смертью можно было похоронить только после того, как отдашь марку серебра духовенству, и лишь в конце XIII в. этот налог перестали взимать с семей погибших при пожаре, в результате падения или стихийных бедствий, если можно было предположить, что погибшие покалялись перед смертью¹⁵.

Таким образом, «плохость» внезапной смерти определялась обстоятельствами, при которых она произошла, и поведением умершего прямо перед кончиной. И самой позорной смертью из всех считалась казнь. У приговоренных к ней не было шансов на спасение: в Европе вплоть до XIV в. к ним даже не пускали священников, чтобы преступники не могли покаяться¹⁶.

Заложные покойники

Умершие «плохой» смертью, а также те, кто занимался магией, общался с нечистой силой, был проклят или оставил незавершенные дела, по народным верованиям, становились «неправильными» покойниками, опасными для живых. В славянской традиции их называли заложными покойниками¹⁷, в Европе для их обозначения использовалось латинское слово *imblocati*¹⁸.

Заложные покойники, поскольку они не прожили свою долю, не могли перейти в иной мир и продолжали «ходить» в нашем. Само по себе появление мертвых неудивительно для традиционного подхода, однако возвращаться они должны были в определенные дни и на определенных условиях¹⁹. Заложные же покойники могли явиться в любое время вне зависимости от воли живых и становились сосудом для нечистой силы или превращались в упырей, русалок, мелких демонов²⁰.

Заложных покойников нельзя было хоронить, чтобы не прогневать землю или Бога. Считалось, что на нарушивших запрет насылаются различные беды: заморозки, засуха, ураган. Природа как бы отвергала «нечистых» покойников, и часто их не закапывали, а уносили подальше от людей, в болото, овраг, и засыпали там листвой и мхом или заваливали камнями²¹. Несмотря на все старания церкви, противившейся суевериям, в России эта традиция сохранялась вплоть до XX в. Елена Левкиевская рассказывает, что в 1873 г., чтобы справиться с засухой, крестьяне Самарской губернии выкопали трупы предполагаемых колдунов²².

С развитием городов становилось все сложнее найти поблизости подходящее болото или овраг, поэтому в народе придумывали новые способы погребения заложных покойников. Самый распространенный и одобряемый церковью

способ — хоронить «плохих» мертвецов в стороне от «хороших», за кладбищенской оградой. На Руси для этого отводилось специальное место вблизи городов — убогие, то есть божьи, дома. На небольшом участке земли выкапывалась яма, в которую сваливали «нехороших» мертвецов, где они оставались вплоть до Семика — четверга седьмой недели после Пасхи. Тогда священники служили общую панихиду, после чего яму засыпали и рыли рядом новую. Убогие дома были запрещены лишь Екатериной II в конце XVIII в., а в провинции существовали до начала XX в.²³

Спасение от «плохих» мертвецов

«Неправильные» покойники различались по степени опасности для живых. И ритуалы их изгнания были разными в зависимости от степени «плохости» и причин проклятия²⁴.

Самыми нестрашными были те, кого что-то удерживало в нашем мире: незавершенные дела, дискомфорт на том свете или люди, которые их не отпускали. Как правило, такие мертвецы не причиняли вреда живым, если не считать того, что настойчиво появлялись по ночам и требовали исправить ситуацию.

Чтобы помочь мертвецу упокоиться, нужно было выполнить его просьбу, которая обычно выражалась достаточно конкретно. Например, покойница могла прийти к родственнику, похоронившему ее в неудобной обуви, пожаловаться, что на том свете тяжело ходить на каблуках, и попросить прислать новую²⁵. Сделать это было достаточно просто. Нужно было взять подходящую обувь и положить ее в гроб с другим недавно умершим. После похорон мертвец перейдет на ту сторону и передаст посылку, тогда покойница успокоится и перестанет приходить к живым. Менее

распространенный, но более простой вариант — закопать обувь рядом с могилой²⁶.

В случае с незавершенными делами нужно было их закончить за мертвеца: отдать долг соседу, дописать отчет, достроить дом и т.д. Иногда это могли быть не проведенные по всем правилам похороны или невыполненная последняя воля. Если родственники умершего не справили поминки, похоронили не в той одежде или не с теми вещами, о которых просил покойник, он являлся и требовал своего²⁷.

Вредно было чрезмерно оплакивать умершего. Так, по славянским представлениям, слишком сильное горе придавливает покойника на том свете, не дает наслаждаться посмертным существованием.

В одной быличке рассказывается, что после смерти мать не могла успокоиться и все оплакивала погибшую дочь. С помощью священника мать проникла в церковь накануне поминального дня и увидела свою дочку, таскающую тяжелые ведра с водой. Это оказались слезы матери, которые дочь вынуждена была носить на том свете²⁸.

Но по-настоящему опасным считалось, если живые убиваются по «плохому» покойнику — умершему до срока. Как мы помним, ему не удастся полноценно уйти в иной мир, поскольку он не прожил жизнь до конца и может захотеть вернуться домой или же попытается утащить горюющего по нему на тот свет. В обоих случаях важно перестать излишне горевать о покойнике и отпустить его²⁹.

Сложнее дело обстоит с более «плохими» мертвецами: казненными преступниками, «опойцами» (то есть умершими от пьянства), утопленниками и повешенными (последние считались «наихудшими»). По многим поверьям, в их тела вселяется нечистая сила, и, когда покойники приходят к родственникам или друзьям, это уже не они, а черты.

Особенно частый мотив — возвращение мужа с того света. Он может приходить ночью, помогать по хозяйству, ухаживать за скотом. С ним даже получится завести ребенка, но это будет не обычный младенец, а будущий колдун, ведьма или демон. Для женщины же такие посещения рано или поздно закончатся смертью: явившийся с того света муж высосет из нее жизнь либо утащит с собой в могилу³⁰.

Заложные покойники могли также превратиться в упырей или вампиров. Часто, по поверьям, это происходило с колдунами и ведьмами, которые еще при жизни отдали душу дьяволу³¹.

Чтобы заложные покойники не ходили и не причиняли вреда, существовал ряд приемов. Они отличались в зависимости от местности и причин смерти. Согласно восточнославянским верованиям, если заложного покойника все-таки похоронили, тем более на кладбище, и это вызвало засуху, можно было исправить ситуацию, напоив его. Для этого нужно было раскопать могилу и заполнить ее водой или хотя бы полить сверху могильную землю³².

Чтобы избежать хождения покойников, славяне их всячески запутывали во время похорон. Для этого разбирали стену дома и выносили гроб через образовавшееся отверстие, несли покойника ногами вперед (этот обычай сохранился до сих пор и связан с тем, что так мертвец не увидит, откуда его выносят), несли к кладбищу запутанной, окруженной дорогой, клали в гроб лицом вниз и т.д.

Похожим образом поступали и в Европе: так, в Италии в археологическом комплексе Сан-Калосеро в Альбенге были найдены средневековые останки предполагаемых ведьм, которых хоронили лицом вниз, чтобы те не могли выбраться из могилы³³.

Если же покойник все равно начал ходить, проще всего было физически помешать ему это делать. Для этого применялись различные приемы, от простых (связать труп ноги) до радикальных. Так, в Европе и России «плохих» покойников выкапывали и расчленяли. Например, йоркширский монах XII в. описывает, как в Бервике по ночам бродил оживший мертвец, похороненный недавно преступник, и, чтобы его хождения прекратились, пришлось его выкопать, расчленить и сжечь³⁴. А еще в начале XX в. в России нередко были случаи, когда в сельской местности выкапывали «плохих» покойников и отрубали им ноги. В 1913 г. в Саратовской губернии крестьяне отрезали ноги у трупа пьяницы, чтобы тот перестал катать на себе чертей и являться к односельчанам³⁵. Однако важно было удостовериться, что подобные приемы применяются только для «плохих» мертвецов: «хорошего» это бы обрекло на бездвиженность на том свете³⁶.

Самым же универсальным и распространенным в Европе и России методом борьбы с ходячими мертвецами было воткнуть осиновый кол в сердце (наиболее эффективно против упырей и колдунов) и сжечь тело. Так поступали, когда другие методы оказывались неэффективны, или заранее, когда слишком боялись покойника³⁷.

Загробная жизнь

Спокойное принятие смерти в традиционном подходе связано не только с ее близостью, но и с тем, что люди точно знали: окончание земной жизни — это не завершение жизни вообще. Земная жизнь полна страданий: тяжелый труд, болезни, войны, голод, тогда как на том свете тебя ожидает благоденствие и награда за благочестивую жизнь.

Несмотря на христианские догмы, идея наказания и последующего ада с мучающими грешников чертами не была распространена среди простого населения, придерживающегося традиционного подхода к смерти. Для них Страшный суд был отложенным на неопределенный срок событием, которое произойдет лишь со вторым пришествием Иисуса Христа³⁸. И поэтому, с их точки зрения, после смерти человеку ничто не угрожало, если не считать возможности стать заложным покойником.

У славян и у некоторых других народов переход в иной мир был переходом в прямом смысле: душе до того мира нужно было еще добраться, преодолев препятствия. Какие именно — зависело от верований конкретного народа. Часто покойнику нужно было переплыть реку или другой водоем, и здесь встречался мотив проводника-переправщика — от Харона в древнегреческой мифологии до святого Николая у восточных славян³⁹. Другой путь на тот свет — перейти по тонкой нити над обрывом или огненной рекой, и, если груз грехов слишком велик, можно и упасть⁴⁰.

Интересно представление славян о том, что на тот свет нужно забираться по гладкой хрустальной горе и повезло тому, кто при жизни не выбрасывал состриженные ногти: они прирастут и помогут влезть на гору. В противном случае придется возвращаться в мир живых и искать их⁴¹.

Оставшиеся в нашем мире всячески помогали душе благополучно добраться в новый мир и не застрять в старом. Так, во время выноса покойника открывали все окна и двери, чтобы душе было легче улететь. Но едва тело увозили, двери и окна закрывались, в доме мыли пол, чтобы «смыть» для покойника дорогу обратно, а связанные с ним вещи (посуду, постельное белье, на котором он умер) выбрасывали на улицу⁴².

В традиционном подходе сталкивались два представления о жизни после смерти. В первом она очень похожа на обычную жизнь. В ней у человека также был дом, потребность в пище и одежде, социальные связи⁴³. Посмертное существование во многом зависело от того, как, в чем и с чем похоронят человека. Уже упоминались рассказы о жалобах мертвецов на неподходящую обувь, и это было частым мотивом. Красивая, но неудобная одежда и обувь мешала славянскому мертвецу добраться до того света. Еще хуже, если похоронили в ветхой и прохудившейся: если даже она не рассыплется по дороге, другие покойники засмеют⁴⁴. Иногда, чтобы порадовать мертвеца на том свете, ему в гроб клали любимые вещи и деньги — для паромщика или как способ «застолбить» могилу⁴⁵.

Сам «тот свет» выглядел по-разному. Так, в славянской традиции были распространены рассказы о потустороннем мире как о прекрасном городе, монастыре или дворце. Каждое здание было построено на славу, а люди с удовольствием занимались привычными делами, не испытывая при этом усталости и боли, или пировали и наслаждались яствами. Иногда это было неопишемое пространство, полное света и радости⁴⁶.

Однако наиболее часто в народных верованиях, европейских и славянских, тот свет представлял прекрасным вечно-зеленым садом, в котором все живут в мире и благополучии. В нем нет болезней, горя и страданий, люди наслаждаются жизнью и пребывают в вечном блаженстве⁴⁷.

Славяне верили в тесную связь между привычным миром и загробной жизнью. Например, на том свете души часто вкушали поминальную еду. На то, как будет питаться человек после смерти, влияло и его поведение и благосостояние в прежней жизни. Однако представления об этом разнились.

Некоторые считали, что богат и сыт будет тот, кто подавал много милостыни. Другие же верили в имущественное расслоение и на том свете: богатый останется богатым, а бедный — бедным⁴⁸. В соответствии со вторым представлением после смерти люди попадали в антипод жизни: место без времени, света и звуков. Там они не живут, а находятся в состоянии, близком сну, или в полноценном сне. Таково представление, например, древних греков и римлян. Загробный мир — место приносящей сон ночи⁴⁹, а души умерших — не полноценные мыслящие существа, а тени⁵⁰.

Похожая концепция была распространена в средневековой Европе. Мертвые засыпали до второго пришествия, когда все, кроме страшных грешников, должны были пробудиться и войти в Царствие Небесное. Так же, как и языческие мертвецы, они не ощущают хода времени и проснутся, будто только вчера умерли⁵¹. В легенде о семи отроках Эфесских Господь, чтобы посрамить еретиков, не верящих в возможность воскрешения, оживляет христианских мучеников, замурованных 200 лет назад. Они пробуждаются, словно ото сна, и поражаются изменениям: ведь, по их ощущениям, не пришло и дня⁵².

В России подобное представление о посмертном существовании сохранялось еще в XIX в. В отдельных местах, в основном в деревнях, верили, что после смерти души попадают в некую пустошь, в которой ожидают Страшного суда. Там нет ни мучений, ни радостей — своеобразный аналог царства Аида⁵³.

Как правило, в головах людей уживались оба традиционных представления о посмертии. Прекрасный город того света часто становился местом, в котором души отдыхали после смерти, ожидая второго пришествия, а мертвецы спали в вечнозеленом саду.

Танцы на кладбище и встречи с мертвецами

У античных греков с римлянами и у древних славян не было кладбища как такового. Мертвецов хоронили на природе, подальше от поселений, или прямо на своей земле⁵⁴.

С приходом христианства захоронения перемещаются к церкви. В основания церквей закладывали мощи святых и мучеников, и место автоматически становилось святым. На Руси в качестве святых часто выступали князья и их родственники, хотя алгоритм действий был несколько иной. Еще при жизни князя закладывали основание церкви, в стенах которой были прорезаны гробницы. Они постепенно заполнялись и, подобно мощам святых, делали место сакральным.

Представление о сверхспособностях князей восходило еще к языческим славянским верованиям, будто само присутствие правителя в городе ограждало от бед⁵⁵. С принятием христианства мощи князей стали считаться чудотворными: во время бед их обносили вокруг города, им молились о заступничестве. Причем неважно, насколько плох был правитель при жизни. В одной летописи рассказывается, как новгородцы, недовольные князем Всеволодом Мстиславовичем, выгнали его, но после смерти князя потребовали назад его мощи, чтобы они исцеляли горожан и творили чудеса⁵⁶.

Близость к святым мощам приносила преимущества и после смерти. Неправильное погребение, а также осквернение могилы могли привести к проклятию, превратить покойника в заложного или помешать последующему воскрешению. Святой распространял свою святость и на соседей, защищая их от возможных бед, и люди стремились быть похороненными поблизости⁵⁷.

Место внутри церкви считалось наиболее почетным, и позволить его себе могли только самые знатные люди: князья и короли, высшие церковные чины. Позже к этому списку присоединяются дворяне, затем люди, отличившиеся перед страной, и все, кто мог это себе позволить. Несмотря на высокую стоимость такого захоронения, полы церквей целиком состояли из надгробных плит, превращая храмы в своего рода маленькие кладбища. В России традиция хоронить внутри церкви сохранилась вплоть до XX в.⁵⁸ До сих пор, если обратить внимание на пол и стены многих церквей, можно увидеть могильные плиты. Иногда они богато украшены, как, например, могила полководца Кутузова в Казанском соборе.

Люди менее знатные довольствовались местами рядом с церковью и дальше по степени убывания их знатности и финансовых возможностей. Самыми малопочетными были места у кладбищенской ограды, что, впрочем, не шло в сравнение с могилами бедняков. Тех, кто не мог заплатить за отдельное погребение, ждали братские могилы — гигантские ямы, вмещавшие тысячи трупов. Их использовали во время массовых смертей от голода или болезней, но со временем такой способ хоронить начали применять и в спокойное время из-за ограниченного пространства кладбища⁵⁹. Так, в отчете о состоянии парижских кладбищ XVIII в. описываются ямы, вмещавшие в себя более 500 трупов⁶⁰, а Самуил Кихель в XVI в. описывал псковские братские могилы для тысяч простолюдинов⁶¹.

Впрочем, в Европе существовал и иной способ бороться с «перенаселением» кладбищ. Когда кладбище заполнялось, кости из старых могил выкапывали и складывали или выставляли напоказ в костницах (оссуариях) — специальных местах или помещениях, многие из которых сохранились до наших

дней. Одно из самых известных — костел Всех Святых в чешском городе Седлеце.

Отлученных от церкви, проклятых или преступников хоронили отдельно или не хоронили вовсе. В первую очередь это касалось казненных, которые, как мы помним, были самыми «плохими» покойниками. Повешенные могли годами болтаться в петле, а части тел четвертованных выставляли на всеобщее обозрение.

Танцы на кладбище

Современные люди избегают кладбищ, если только те не превращаются в приятные глазу парки. Кладбища навевают тоску, заставляют думать о смерти, когда все хотят ее вытеснить из жизни. В Средневековье с его спокойным восприятием мертвых отношение было иным. Из-за близости к церкви и достаточно большого пространства кладбища становились центрами социальной жизни. На них торговали, встречались с друзьями, играли, назначали свидания. Там можно было найти все, от безделушек до алкоголя и проституток. Часто именно на кладбище проходили судебные заседания, а если не хватало места в тюрьмах, там же могли запереть преступников. Именно на кладбище Сент-Уан в Руане огласили приговор Жанне д'Арк⁶².

Кладбище обладало статусом убежища, и люди, которым было некуда пойти, селились там, даже возводили постройки, держали лавки⁶³. Церковь выступала против такого неуважительного отношения, но ничего не могла поделать. Как пишет Арьес, в 1231 г. Руанский синод под страхом отлучения от церкви запрещал плясать на кладбище. О том же правиле пришлось напомнить спустя почти 200 лет, в 1405 г.: запрещалось плясать, играть в игры,

а также устраивать представления мимам, жонглерам и бродячим музыкантам⁶⁴.

Бесчинствовали на кладбищах, по церковным меркам, и на Руси. Так, Стоглав осуждает традицию скакать и плясать на кладбище вместе со скоморохами и петь сатанинские песни на Троицу⁶⁵.

Несмотря на запреты и протесты церкви, кладбища долго оставались центрами социальной жизни. Еще в XVIII в., до самого его закрытия, кладбище Невинных в Париже оставалось излюбленным местом прогулок и встреч, где между делом можно было купить хоть книгу, хоть моток ниток для вышивания⁶⁶.

Встречи с мертвецами

В традиционном представлении граница между этим и тем мирами была достаточно зыбкой. Либо считалось, что в определенные дни мертвые приходили домой к живым, либо в эти дни живые отправлялись на кладбище к мертвым. В любом случае нужно было позаботиться о покойнике. Если души как бы возвращались обратно в свой дом, то во время трапезы для них клали столовые приборы. Если с душами встречались на кладбище, то приносили еду туда. А чтобы согреть покойников, у могил или рядом с домом разжигали костры. У славян эта традиция называлась «греть родителей», «греть деда» или даже «греть ножки покойникам» и просуществовала до конца XIX в.⁶⁷ А традиция кормить покойников сохранилась до сих пор. В поминальные дни православные приносят на кладбище сладости, блины, хлеб, яйца, кутью. Часть съедается живыми, часть остается на могиле для умерших.

Однако если у европейцев, включая славян, традиция «встречать» покойников редуцировалась до отдельных

действий, то до сих пор существуют места, в которых такие встречи становятся центральным событием. Ярko проходят поминальные дни в Мексике. В День мертвых, с 1 на 2 ноября, родственники зазывают обратно своих мертвецов, поднося им дары. Специальные домашние алтари или могилы, на которых развешивают памятные вещи и одежду умерших, украшаются цветами. Жертвенная еда перемежается с любимой едой умерших, и одновременно можно увидеть традиционные рогаики и бургеры с кока-колой. Ночью на могилах зажигаются тысячи свечей, горят костры, играет музыка⁶⁸.

У народа тораджи в Индонезии встречи с покойниками носят буквальный характер. Во время обряда манене родственники вынимают своих мумифицированных мертвецов из домов-могил, проветривают и убирают эти дома, очищают тела покойников, меняют их одежду. Торанджанцы делают это бережно, объясняя каждое действие мертвым родственникам, рассказывают им новости, гладят их руки и лица и радуются встрече с покойниками так же, как с живыми близкими после долгой разлуки⁶⁹.

Когда наступает смерть

В традиционной смерти нет окончательности. Люди так или иначе могли видаться с мертвыми. Но любопытно, что и физическая смерть, как правило, не считалась настоящей.

Славяне верили, что покойник все чувствует, пока на него не упадет первая горсть земли. Но и потом он не был до конца мертв, и первые 40 дней считалось нормальным, если он будет возвращаться. Так, в Смоленской области дорога на кладбище устилается цветами для молодых умерших или еловыми ветками для старых⁷⁰. Мне самой довелось поучаствовать в этом обряде, когда умерла моя ярцевская

бабушка. Я так же, как в детстве, оказалась рядом с покойницей и получила охапку еловых веток. Машина (да, прогресс не стоит на месте) медленно ехала к кладбищу, а я должна была бросать назад ветки, чтобы моя мертвая бабушка нашла дорогу обратно к дому.

Для возвращающихся душ покойников также в течение 40 дней после смерти ставили воду — напиться, рюмку водки; мед, хлеб и соль — поесть⁷¹.

С «изобретением» чистилища в XII в. католики стали предполагать, что помимо рая и ада существует еще третье пространство, в котором душа пребывает некоторое время, и, пока она там находится, на судьбу покойника можно повлиять извне: молитвами, милостыней⁷².

Несмотря на то что официально православная церковь не признает чистилища и считает, что повлиять на судьбу умершего близкого нельзя, существует учение о мытарствах души — те самые 40 дней душа странствует и сталкивается с испытаниями, и в это время рекомендуется совершать все те же действия: читать молитвы и подавать милостыню, чтобы помочь душе близкого, готовой предстать перед Богом⁷³. Лишь спустя 40 дней душа настоящему уходит из мира и человек как бы окончательно умирает.

Самый же удивительный пример жизни после физической смерти представляют уже упомянутые выше тораджи. Они верят, что человек умрет лишь тогда, когда в жертву принесут животное. До этого покойник остается в доме, в постели, и к нему относятся как к тяжелобольному, но живому. О нем заботятся, с ним разговаривают и считают, что он все понимает и чувствует. Похоронный обряд проводится лишь через несколько месяцев, а то и лет, и только тогда, согласно верованиям тораджей, наступает смерть⁷⁴.

Уход от традиционной смерти

Традиционный подход к смерти как к естественной и близкой Арьес считал самым нормальным отношением к ней, в противовес «перевернутому», который доминирует в настоящее время⁷⁵. Несмотря на то что христианство активно боролось с таким во многом языческим подходом, он существовал параллельно с другими представлениями об умирании, похоронах и загробной жизни не только во времена Средневековья, но и многие века после него.

Отход от традиционного подхода в большой степени связан с ростом индивидуального сознания, приходящего на смену ощущению себя частью общины. Люди переставали жить столетиями на том же месте, переезжали в города, меняли занятия, и прочные связи рушились⁷⁶. Это находило отражение и в верованиях. Так, в Европе вместо идеи коллективного Страшного суда, который произойдет во время второго пришествия, распространилась идея суда индивидуального, после которого душу направляют либо в ад, либо в рай. Исчез промежуток между физической и окончательной смертью, и покойники больше не являлись живым, чтобы попросить их помощи или молитв⁷⁷.

Менялось и отношение к мертвецам: спокойное безразличие уступало место отвращению к разлагающейся плоти, смрадным запахам и костям. Мертвецы начинали вызывать ужас, и соседство с ними перестало быть возможным. Появлялись разговоры о негигиеничности такой близости, и кладбища ушли за городскую черту⁷⁸.

Постепенно общество все больше отдалялось от традиционного подхода к смерти, но никогда не расставалось с ним навсегда. Как видно из приведенных выше примеров, вера

в оживших мертвецов, предвидение собственной кончины, а также отношение к смерти как к естественному процессу сохраняются в культуре до сих пор.

Современная смерть

После смерти родителей, вернувшись в школу, я стала невидимкой. Подруги перестали со мной общаться, учителя — спрашивать на уроках. Меня не травили и не жалели, не осуждали и не поддерживали — просто не замечали.

Помню, как, ошалеv от этого статуса невидимки, я пнула портфель главного хулигана школы — неслыханная дерзость, на которую не осмеливались и старшеклассники. Он просто поднял портфель и прошел мимо, сделав вид, что не заметил.

Аура смерти превратила меня в изгоя, с которым нельзя было иметь никаких дел.

Даже сейчас, спустя много лет, есть простой способ сделать некомфортно всем участникам беседы. Достаточно ответить честно на простой вопрос: «Чем занимаются твои родители?» — «Они умерли». Тут же появляется типичная реакция: удивление, смущение, чувство вины, попытка сменить тему или неловко посочувствовать.

В современном подходе смерть отрицается, скрывается и не обсуждается в обществе. Она — аномалия, врачебная ошибка. Трагедия, которая происходит как будто не с нами: умирают знаменитости, жертвы терактов и катастроф, но не обычные люди в своей постели.

Из-за этого мы больше не знаем, как вести себя в присутствии смерти. Более того, не хотим ничего знать о ней, не хотим с ней соприкасаться, терять иллюзию того, что умирают где-то там, в телевизоре. И выбираем единственный доступный вариант: делать вид, что ничего